

Борхес — это автор, который говорил обо всем. Невозможно найти в истории культуры темы, которой не коснулся бы Борхес.

Умберто Эко

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Создатель

PREMIUM

Азбука Premium

Хорхе Борхес

Создатель

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Арг)-44

Борхес Х. Л.

Создатель / Х. Л. Борхес — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-21230-5

Хорхе Луис Борхес – один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру – они полны тайн и фантастических образов, чьи истоки следует искать в литературах и культурах прошлого. В настоящее издание вошли сборники рассказов и стихотворений «Создатель» и «25 августа 1983 года», а также впервые на русском в полном виде знаменитое интервью, взятое у Борхеса его соавтором и биографом Марией Эстер Васкес. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.134.2(8)

ББК 84(7Арг)-44

ISBN 978-5-389-21230-5

© Борхес Х. Л., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Создатель	6
Леопольдо Лугонесу	7
Создатель	8
Dreamtigers	10
Диалог об одном диалоге	11
Ногти	12
Вещие зеркала	13
Argumentum ornithologicum	14
Пленник	15
Подобье	16
Делия Элена Сан-Марко	17
Диалог мертвых	18
Сюжет	20
Задача	21
Желтая роза	22
Свидетель	23
Мартин Фьерро	24
Превращения	25
Притча о Сервантесе и Дон Кихоте	26
«Paradiso», XXXI, 108	27
Притча о дворце	28
Everything and nothing	29
Рагнарёк	31
«Inferno», I, 32	32
Борхес и я	33
О дарах	34
Песочные часы	36
Шахматы	38
Зеркала	39
Эльвира де Альвеар	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Хорхе Луис Борхес Создатель (рассказы, стихотворения, интервью)

Jorge Luis Borges

EL HACEDOR

Copyright © 1995, María Kodama

VEINTICINCO AGOSTO 1983 Y OTROS CUENTOS

Copyright © 1995, María Kodama

All rights reserved

© Вс. Е. Багно, перевод, 1990

© Б. В. Дубин (наследник), перевод, примечания, 2022

© Б. В. Ковалев, перевод, 2022

© К. С. Корконосенко, перевод, 2022

© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1994

© А. Ю. Миролюбова, перевод, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Борхес – это автор, который говорил обо всем. Невозможно найти в истории культуры темы, которой не коснулся бы Борхес.

Умберто Эко

Из всех книг, отданных мною в печать, ни одна, кажется, не является столь личной...

Хорхе Луис Борхес. Из послесловия к «Создателю»

Как творец он занимает место Данте и Шекспира, Сервантеса и Джойса нашей эпохи.

Гарольд Блум

Многие называют его крупнейшим из современных писателей. Мало найдется тех, кто в своих вещах у него не учился или ему не подражал.

Сьюзан Зонтаг

Борхес никогда не знал меня, но я знал его и почтительно склоняюсь перед ним.

Джулиан Барнс

Создатель

1

---

¹ Обстоятельства появления этой книги стихов и прозы (а в дальнейшем Борхес многократно практиковал подобный смешанный жанр, ссылаясь на пример «Сказок тысячи и одной ночи» и «Утешения философией» Боэция) – чистая случайность: дружественный издатель посоветовал автору, много лет не публиковавшему новых стихотворных сборников, порыться в столе. Так возникла одна из наиболее цитатных и вместе с тем – самых личных, по борхесовскому признанию в послесловии, его книг.

Леопольдо Лугонесу

2

Гул площади остается позади, я вхожу в библиотеку. Кожей чувствую тяжесть книг, безмятежный мир порядка, высушенное, чудом сохраненное время. Слева и справа, в магическом круге снов наяву, на секунду обрисовываются лица читателей под кропотливыми лампами, как сказал бы латинизирующий Мильтон. Вспоминаю, что уже вспоминал здесь однажды эту фигуру, а кроме того – другое ловящее их абрис выражение из «Календаря», «верблюд безводный», и, наконец, гекзаметр «Энеиды»³, взнудавший и подчинивший себе тот же троп:

*Ibant obscuri sola sub nocte per umbram*⁴.

Размышления обрываются у дверей его кабинета. Вхожу, мы обмениваемся условными теплыми фразами, и вот я дарю ему эту книгу. Насколько знаю, он следил за мной не без приязни и порадовался бы, зайдя я порадовать его чем-то сделанным. Этого не случилось, но сейчас он перелистывает томик и одобрительно пробует на слух ту или иную строку, то ли узнав в ней собственный голос, то ли различив за ущербным исполнением здравую мысль.

Тут мой сон исчезает, как вода в воде. За стенами – улица Мехико, а не прежняя Родригес Пенья, и Лугонес давным-давно, еще в начале тридцать восьмого, покончил счеты с жизнью. Все это выдумали моя самонадеянность и тоска. Верно (думаю я), но завтра наступит мой черед, наши времена сольются, даты затеряются среди символов, и потому я не слишком грешу против истины, представляя, будто преподнес ему эту книгу, а он ее принял.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 9 августа 1960 г.

---

² Леопольдо Лугонес (1874–1938) – аргентинский поэт и прозаик, оказавший огромное влияние на Борхеса и все его поколение.

³ ...гекзаметр «Энеиды»... – II, 255.

⁴ Шли незримо они одинокою ночью сквозь тени (*лат.*).

Создатель

Он никогда не отвлекался на утехы памяти. Беглые и неуловимые впечатления скользили, не задевая: киноварь горшечника; небосвод, отягощенный звездами, они же – боги; луна, с которой когда-то свалился лев; гладь мрамора под неспешными чуткими пальцами; вкус кабаньего мяса, которое он любил рвать белыми и цепкими зубами; разговор двух финикийцев; четкая тень копья на желтом песке; прикосновение женщины или моря; тягучее вино, чья терпкость уравнивала мед, – разом вытесняли из сердца все остальное. Ему случалось испытывать страх, как, впрочем, и ярость или отвагу, а однажды он даже первым вскарабкался на вражеский вал. Ненасытный, любопытствующий, всегда неожиданный, повинувшись единственному закону – удовольствию, переходящему в безразличие, он скитался по многим землям⁵ и видел, по разные стороны моря, города и дворцы живущих. В толчее рынков и у подножия теряющихся в небе круч, где вполне могли резвиться сатиры, он слышал запутанные рассказы, которые принимал как явь, – не доискиваясь, правда они или выдумка.

Мало-помалу прекрасный мир отдалился: упрямая дымка заволокла линии руки; ночь погасила звезды; земля стала уходить из-под ног. Все уплывало и мутилось. Поняв, что ослеп, он разрыдался; стоическое самообладание еще не изобрели, и Гектор мог без ущерба спастись бегством⁶. «Больше я не увижу, – думал он, – ни неба, дышащего ужасом мифов, ни своего лица, которое перекроют годы». Дни и ночи сменялись над безутешным телом, но однажды утром он открыл глаза, увидел (уже не пугаясь) размытые мелочи обихода и неизвестно почему – будто узнав мотив или голос – почувствовал, что все это уже однажды было, и смотрел вокруг с тем же ужасом, но и с восторгом, надеждой и удивленьем. И тогда он нырнул в глубины памяти, на миг приотворившей свои бездны, и выхватил из круговерти забытое воспоминание, сверкнувшее, как монета под дождем, может быть, потому, что раньше он его никогда не бередил – разве что во сне.

Вот что ему припомнилось. Его обозвал один мальчишка, и он примчался рассказать все отцу. Тот выслушал, будто не слыша или не понимая, и снял со стены чудесный, налитый мощью бронзовый клинок, о котором мальчик втайне мечтал. Теперь он держал его в руках и от счастья совсем позабыл перенесенную обиду, когда зазвучал голос отца: «Пусть знают, что ты уже мужчина», – и в этом голосе слышался приказ. Ночь стерла дороги; прижимая вобравший волшебную силу клинок, он спустился по крутому откосу у дома и выбежал на берег моря, грезя об Аяксе и Персее и одушевляя соленую темноту ранами и ударами. Этот привкус далекого мига он и искал; остальное – выкрики перед схваткой, неуклюжая возня и путь домой с окровавленным лезвием – было не важно.

И еще одно воспоминание – тоже дышавшее ночью и неотвратимостью встречи – пришло следом. В сумрачном подземелье его ждала женщина – первая, ниспосланная ему богами, а он искал ее по галереям, похожим на каменные силки, и лестницам, уводящим во тьму. Отчего эти воспоминания вдруг явились ему теперь и явились без боли – просто как предвестие нынешнего дня?

Похолодев, он понял. В непроглядной для его смертных глаз ночи, куда он сейчас сходил, его тоже ждали любовь и опасность, Арес и Афродита: он уже угадывал (подступая все ближе) гул славы и гекзаметров, гул схватки за святилище, которое обороняли люди и не пожелали спасти боги, гул черных судов, ищущих посреди моря долгожданный остров⁷, гул всех «Одис-

---

⁵ ...он скитался по многим землям... – Начальные строки «Одиссеи».

⁶ ...Гектор мог... спастись бегством. – «Илиада», XXII, 136 и след.

⁷ ...гул... судов, ищущих посреди моря долгожданный остров... – Сюжет «Одиссеи».

сей» и «Илиад», которые он сложит и пустит перекатываться в памяти поколений. Теперь это знает каждый, а он почувствовал первым и лишь сходя в кромешную тьму.

Dreamtigers

8

В детстве я боготворил тигров – не пятнистых кошек⁸ болот Параны или рукавов Амазонки, а полосатых, азиатских, королевских тигров, сразиться с которыми может лишь вооруженный, восседая в башенке на спине слона. Я часами простаивал у клеток зоологического сада; я расценивал объемистые энциклопедии и книги по естественной истории сообразно великолепию их тигров. (Я и теперь помню те картинки, а безошибочно представить лицо или улыбку женщины не могу.) Детство прошло, тигры и страсть постарели, но еще доживают век в моих сновидениях. В этих глубоководных, перепутанных сетях мне чаще всего попадают именно они, и вот как это бывает: уснув, я развлекаюсь тем или иным сном и вдруг понимаю, что вижу сон. Тогда я думаю: это же сон, чистая прихоть моей воли, и, раз моя власть безгранична, сейчас я вызову тигра.

О неискушенность! Снам не под силу создать желанного зверя. Тигр появляется, но какой? – или похожий на чучело, или едва стоящий на ногах, или с грубыми изъянами формы, или невозможных размеров, то тут же скрываясь, то напоминая скорее собаку или птицу.

---

⁸ Тигры из снов (англ.).

⁹ ...не пятнистых кошек... – Имеются в виду леопарды (по-испански они тоже называются tigras).

Диалог об одном диалоге

А. – За разговорами о бессмертии мы не заметили, как стемнело, и не зажгли свет. Лиц было уже не видно. С бесстрашием и ненавязчивостью, убеждавшими лучше любого пыла, голос Маседонио Фернадеса¹⁰ повторял, что душа вечна. Смерть тела – пустяк, убеждал меня этот голос, умереть – самое ничтожное из всего, что может произойти с человеком. Я играл с ножом Маседонио – открывал его, снова складывал. Где-то неподалеку аккордеон тянул бесконечную «Кумпарситу»¹¹, хныкающий мотивчик, который нравится многим только за то, что они сумели себя убедить, будто он – старинный... Давай покончим с собой, предложил я Маседонио, и деспорим, уже не отвлекаясь.

Z (с издевкой). – Но кажется, вы так и не решились.

А (уже не отсюда). – Честно говоря, не помню, покончили мы в тот вечер с собой или нет.

---

¹⁰ Маседонио Фернадес (1874–1952) – аргентинский писатель.

¹¹ «Кумпарсита» (1917) – танго уругвайского композитора Херардо Эрмана Матоса Родригеса (1900–1948). Вторую жизнь ему дали Паскуаль Контурси и Энрике Марони, озаглавив танго «Когда б ты знала», видоизменив мелодию и написав к ней слова. В этом виде танго исполнил Гардель.

Ногти

Днем их нежат ласковые носки, носят подбитые кожаные туфли, но этим пальцам ног ни до чего нет дела. У них на уме одно: отращивать ногти – мутноватые и гибкие роговые пластинки, защиту от кого? Грубые, нелюдимые, каких поискать, ни на секунду не прервут они выделку своего смехотворного оружия, которое снова и снова урезает неумолимая золингенновская сталь. Девяносто сумрачных дней в материнской утробе они только и занимались этим производством. Когда меня отнесут на Реколету¹², в последний, пепельного цвета приют, украшенный искусственными цветами и разными талисманами, они опять продолжат свой упорный труд, пока их не уймет распад. Их и щетину на подбородке.

---

¹² Реколета – кладбище в Буэнос-Айресе.

Вещие зеркала

Ислам утверждает, что в неизреченный Судный день всякий грешивший изображением живого воскреснет среди своих созданий, и повелят ему вдохнуть в них жизнь, и грешник потерпит крах и рухнет с ними вместе в огонь вечной кары. В детстве я знал этот ужас перед удвоением или умножением вещей; причиной его были зеркала. Их безотказное и безостановочное действие, охота за каждым шагом, вся эта космическая пантомима, как только стемнеет, снова казалась мне чем-то потусторонним. Одна из постоянных моих тогдашних молитв Богу и ангелу-хранителю – не увидеть зеркал во сне. Они достаточно пугали меня наяву. То я боялся, что изображение в них разойдется с явью, то страшился увидеть свое лицо изувеченным небывалой болезнью. Страхи, как я узнал потом, оказались не напрасными. История совершенно проста, хотя и не слишком приятна.

Году в двадцать седьмом я познакомился с одной, всегда грустной, девушкой: сначала по телефону (в первый раз Хулия была для меня голосом без имени и лица), потом, вечером, в кафе. У нее были пугающе-большие глаза, гладкие черные волосы, подобранная фигурка. Деды и прадеды ее воевали на стороне федералов, а мои – за унитариев, и эта старинная кровная распря странно сблизила нас, только крепче связав с родиной. Она с семьей жила в многоэтажном полуразвалившемся особняке с плоской крышей, среди обид и безвкусиц честной бедности. Вечерами – а несколько раз и ночью – мы прогуливались по их кварталу, он назывался Бальванера. Шли вдоль железнодорожной ограды, однажды по Сармьенто добрались до вырубок парка Столетней годовщины. Между нами не было любви и даже попыток изобразить любовь; я чувствовал в ней какую-то совсем не похожую на страсть силу, которой побаивался. Ища понимания женщины, ей нередко поверяют настоящие или выдуманные случаи из детства. Как-то мне пришлось рассказать ей о зеркалах, вызвав позднее, в тридцать первом, настоящую галлюцинацию. В конце концов я услышал, что не в своем уме и зеркало у нее в спальне – вещее: глянувшись, она увидела в нем вместо своего отражения мое. Тут она задрожала, умолкла и выдавила, что я колдун и преследую ее по ночам.

Роковая услуга моего лица, одного из многих тогдашних лиц! Эта тягостная судьба моих отражений тяготит меня и сегодня, но теперь это уже не важно.

Argumentum ornithologicum

13

Закрываю глаза и вижу стайку птиц. Зрелище длится секунду, а то и меньше; сколько их, я не заметил. Можно их сосчитать или нет? В этой задаче – вопрос о бытии Бога. Если Бог есть, сосчитать можно, ведь Ему известно, сколько птиц я видел. Если Бога нет, сосчитать нельзя, поскольку сделать это некому. В таком случае допустим, что птиц меньше десяти и больше одной, но не девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две. Иными словами, искомое число – между десяткой и единицей, но не девятка, восьмерка, семерка, шестерка, пятерка и т. д. А такое целое число помыслить невозможно: ergo, Бог есть.

---

¹³ Орнитологическое доказательство (*лат.*). Заглавие – отсылка к так называемому онтологическому доказательству бытия Бога, предпринятому Ансельмом Кентерберийским.

Пленник

Говорят, эта история произошла в Хунине или в Тапальке. После набега исчез ребенок, по слухам украденный индейцами. Родители искали его, но безуспешно; спустя годы какой-то солдат, явившийся из внутренних районов страны, рассказал им о голубоглазом индейце, возможно их сыне. В конце концов близкие встретились с ним (при каких обстоятельствах, хроника умалчивает, а я не хочу выдумывать, чего не знаю) и уверили себя, будто он и есть пропавший. Переродившись в глуши, среди варваров, мужчина уже не разбирал слов родного языка, но покорно и безразлично позволил подвести себя к дому. Там он остановился, видимо, потому, что все остановились. Он посмотрел на дверь, словно не понимая. И вдруг пригнулся, вскрикнул, бросился внутрь, пересек оба просторных дворика и скрылся в кухне. Там он уверенно сунул руку под закопченный свод очага и достал ножичек с роговой рукоятью, который спрятал ребенком. Глаза его сверкнули от радости, а родители расплакались, наконец-то найдя своего сына.

Вероятно, за этим воспоминанием последовали другие, но индеец не смог ужиться в четырех стенах и однажды снова ушел в свою глушь. Как я хотел бы знать, что он почувствовал в тот головокружительный миг, когда прошлое и настоящее совместились. Быть может, погибший сын воскрес и умер в тогдашнем восторге, а может быть, как младенец или собака, начал узнавать родителей и дом.

Подобье

Июльским днем 1952 года в одно из селений Чако явился человек в трауре. Был он долговязый, тощий, с примесью индейской крови и неподвижным лицом дурачка или маски; местные вели себя обходительно, не с ним, а с тем, чью роль он исполнял или в кого и вправду обратился. Он выбрал хутор у самой реки; с помощью нескольких соседей водрузил на козлы доску, а на нее – картонный гроб со светловолосой куклой. Потом в высоких шандалах зажгли свечи, вокруг разложили цветы. Собрался народ. Безутешные старухи, ошарашенные дети, пеоны, почтительно снявшие пробковые шлемы, тянулись вдоль гроба и повторяли: «Это и наше горе, Генерал¹⁴!» Пришелец с удрученным лицом ждал у изголовья, переплетая, как беременная, пальцы на животе. Он поднимал руку, пожимая протянутую и со смирением, но твердо произнося: «Такова судьба. Мы сделали все, что в человеческих силах». В жестяную копилку падали два песо, и многие прошли этот путь не один раз.

Что за человек (спрашивал я себя) задумал и разыграл этот похоронный фарс? Преданный, сочувствующий, замороженный или попросту циник и лжец? Или он верил, что, исполняя скорбную роль вдовца у могилы, и впрямь становится Пероном? История неправдоподобна, и все же она была и многократно повторялась, с иными актерами и в разных местах. В ней точная формула выморочной эпохи, отражение сна или пьеса в пьесе¹⁵, как в «Гамлете». Конечно, напавший траур не был Пероном, а светловолосая кукла – его женой Эвой Дуарте, но и сами Перон и Эва были не просто Пероном и Эвой, а кем-то неведомым или безымянным (их тайное имя и подлинное лицо мы так и не узнали), разыгрывая для легковерных сердец предместья свою топорную мифологию.

---

¹⁴ *Генерал* — президент-диктатор Аргентины, «освободитель страны» Хуан Доминго Перон де ла Соса; речь идет о смерти его жены, «матери-родины» Марии Эвы Дуарте Ибаргурен, легендарной Эвиты (1919–1952).

¹⁵ *...пьеса в пьесе...* – Так называемая «Мышеловка», пьеса, разыгранная актерами в «Гамлете» Шекспира (III, 2).

Делия Элена Сан-Марко

Мы расстались на перекрестке у площади Онсе.

Я следил за тобой через улицу. Ты обернулась и махнула на прощанье.

Между нами неслась река людей и машин; наступало пять часов обычного вечера, и мог ли я знать, что та река была печальным неодолимым Ахероном.

Больше мы не виделись, а через год ты умерла.

И теперь я вызываю в памяти ту картину, и всматриваюсь в нее, и понимаю, что она лгала и за обыкновенным прощанием скрывалась бесконечная разлука.

Сегодня после ужина я остался дома и, пытаясь разобраться во всем этом, перечитал последнее наставление¹⁶, вложенное Платоном в уста учителя. Я прочел, что душа в силах избежать смерти, уничтожающей тело.

И теперь я не знаю, что истина – убийственный нынешний комментарий или тогдашнее бесхитрое прощание.

Ведь если души не умирают, в их прощаниях и впрямь неуместен пафос.

Прощаться – значит отрицать разлуку, это значит: *сегодня мы делаем вид, что расстаемся, но, конечно, увидимся завтра*. Люди выдумали прощание, зная, что они так или иначе бессмертны, хоть и считают, будто случайны и мимолетны.

Делия, однажды – у какой реки? – мы свяжем слова этого неуверенного диалога и спросим друг друга, вправду ли в одном из городов, затерянных на одной из равнин, были когда-то Борхесом и Делией.

---

¹⁶ ...последнее наставление... – Речь о диалоге Платона «Федон», воспроизводящем последние часы жизни Сократа.

Диалог мертвых

17

Этот человек явился из Южной Англии зимним утром 1877 года. По багровому лицу, могучему сложению и раздавшейся фигуре большинство приняло его за англичанина, он и вправду казался вылитым Джоном Булем¹⁸. На нем была шляпа с высокой тульей и странная шерстяная накидка, расходившаяся на груди. Его с явным нетерпением ждала группа мужчин, женщин и детей; у некоторых шею пересекала красная полоса, другие были без головы и ступали с опаской, пошатываясь, как идущий в темноте. Чужака окружили, из задних рядов донеслось ругательство, но застарелый страх удержал толпу, и на большее никто не решился. Тогда вперед вышел человек, по виду военный, с изжелта-зеленой кожей и глазами, похожими на головешки; спутанная грива и дремучая борода, казалось, сглодали ему лицо¹⁹. Десять-двенадцать смертельных рубленых ран избородили тело, как полосы – тигровую шкуру. Чужак на секунду дрогнул, но тут же шагнул навстречу и протянул ему руку.

– Прискорбно видеть образец мужества, сокрушенного клинками предателей! – по-ораторски произнес он. – Зато с каким глубоким удовлетворением узнаешь, что убийцы по твоему приказу искупили свое грязное дело и были повешены на площади Победы.

– Если ты о Сантосе Пересе²⁰ и братьях Рейнафе²¹, то знай, что теперь я им даже благодарен, – неторопливо и внушительно ответил израненный.

Собеседник взглянул на него, словно подозревая шутку или подвох. Кирога пояснил:

– Ты никогда не понимал меня, Росас. Да и как ты мог понять, если нам выпали такие разные судьбы? Тебе досталось править городом, который обращен лицом к Европе и стал теперь одним из славнейших в мире, а мне – воевать за американскую глушь на нищей земле вместе с нищими гаучо. Мои владения – это копы и крики, пески и почти безвестные победы в позабытых краях. Кто вспомнит их имена? Я жив и надолго останусь жить в памяти многих только потому, что люди, у которых были кони и сабли, убили меня на повозке в месте под названием Барранка Яко. И этой необыкновенной смертью я обязан тебе. В свое время я не смог оценить твой подарок, но последующие поколения его не забыли. Или ты не знаешь об искусных гравюрах и захватывающей книге²², написанной потом знаменитым человеком из Сан-Хуана?

Росас, уже овладев собой, презрительно посмотрел на него.

– Романтик, – бросил он. – Лесть потомков стоит не больше, чем восхищение современников, а оно не стоит ничего и достается за несколько монет.

– Я знаю все, что ты скажешь, – отпарировал Кирога. – В тысяча восемьсот пятьдесят втором году судьба, то ли по великодушию, то ли желая испытать тебя до конца, послала тебе смерть, достойную мужчины, – гибель в бою. Ты показал, что недостоем этого дара, испугался сражения и крови.

---

¹⁷ Заглавие – отсылка к диалогу Лукиана; рассказ воспроизводит загробную встречу диктатора Хуана Мануэля де Росаса и его противника Хуана Факундо Кироги.

¹⁸ *Джон Буль* – герой памфлета английского (шотландского) писателя Джона Арбетнога (1667–1735) «Бесконечный процесс, или История Джона Буля» (1712); Росас умер в Англии, в изгнании.

¹⁹ ...*грива и дремучая борода, казалось, сглодали ему лицо.* – Этим образом Борхес уже пользовался в заключительной сцене новеллы «Биография Тадео Исидоро Круса» (сборник «Алеф»).

²⁰ *Сантос Перес* (?–1837) – капитан аргентинской армии, убийца Кироги.

²¹ *Рейнафе* — Хосе Висенте (1782–1837) и Гильермо (1799–1837) – аргентинские военные, казнены по приказу Росаса.

²² ...*захватывающей книге...* – Имеется в виду «Факундо, или Цивилизация и варварство» (1845) Доминго Фаустино Сармьенто; позднее Борхес написал к этой книге предисловие.

– Испугался? – переспросил Росас. – Я, объезжавший лошадей на Юге, а потом укротивший всю страну?

Тут Кирога впервые усмехнулся.

– Да-да, – процедил он, – если верить неподкупным свидетельствам твоих приказчиков и батраков, ты в седле творил чудеса. Но в ту пору на континенте – и тоже в седле – творились и другие чудеса, они назывались Чакабуко и Хунин, Пальма Редонда и Касерос²³.

Росас выслушал его, не изменяясь в лице, и ответил так:

– Мне не было нужды в храбрости. Мои, как ты выразился, чудеса состояли в том, что люди куда храбрее меня сражались и умирали ради моего спасения. Скажем, покончивший с тобой Сантос Перес. Храбрость – вопрос выдержки; один выдерживает больше, другой – меньше, но рано или поздно слабеет любой.

– Возможно, – сказал Кирога, – но я прожил жизнь и принял смерть и поныне не знал, что такое страх. И сегодня я иду навстречу тем, кто меня сотрет и даст мне другое лицо и другую судьбу, потому что история уже сыта насилием. Не знаю, кем будет этот другой и что станет со мною, но знаю одно: он не изведает страха.

– А мне достаточно быть собой, – сказал Росас, – и я не хочу стать другим.

– Камни тоже хотят быть всегда камнями²⁴, – сказал Кирога, – и век за веком остаются ими, пока не рассыплются в прах. Вступая в смерть, я рассуждал, как ты, но здесь многому научаешься. Присмотрись, мы оба уже иные.

Но Росас не слушал его и проговорил, как бы думая вслух:

– Наверно, я не создан быть мертвым, иначе почему эти места и этот спор кажутся мне сном, только сном, снящимся не мне, а другому, еще не родившемуся?..

Больше они не произнесли ни слова, потому что в этот миг Кто-то позвал их.

---

²³ *Чакабуко* – селение в Чили, место боя 12 февраля 1817 г. между армией освободителя Сан-Мартина и испанскими войсками; *Касерос* — селение в провинции Буэнос-Айрес, где 3 февраля 1852 г. войска Уркисы разбили армию Росаса, положив конец его тирании.

²⁴ *Камни тоже хотят быть всегда камнями...* – Цитата из «Этики» Б. Спинозы (III, 6).

Сюжет

В довершение ужаса Цезарь, прижатый к подножию статуи разъяренными клинками друзей, видит среди лезвий и лиц Марка Юния Брута, своего подопечного и, быть может, сына; тогда он перестает сопротивляться, воскликнув: «И ты, сын мой!»²⁵ Патетический возглас подхватывают²⁶ Шекспир и Кеведо.

Судьбе по нраву повторения, варианты, переключки; девятнадцать веков спустя на юге провинции Буэнос-Айрес гаучо, настигнутый другими и падающий под ножами, узнает своего пасынка и с мягким укором и медлительным удивлением говорит ему (эти слова нужно слышать, а не читать): «Ну и ну, парень!» Его приканчивают, и он не подозревает, что умер, дабы история повторилась.

---

²⁵ «И ты, сын мой!» — Эти слова Цезаря приводит Светоний («Божественный Юлий», 82, 2); мнения о родстве Цезаря и Брута передают Плутарх («Брут», 5–8) и Аппиан («Римская история», II, 112).

²⁶ ...возглас подхватывают... — Имеются в виду произведения «Юлий Цезарь» Шекспира (1599) и «Жизнь Марка Брута» Кеведо (1644).

Задача

Представим, что в Толедо находят тетрадь с арабским текстом и палеографы признают его написанным рукою того самого Сида Ахмета Бен-Инхали²⁷, к которому Сервантес возвел своего «Дон Кихота». Из текста следует, что герой (как известно, странствующий по дорогам Испании со щитом и мечом и любому бросающий вызов по любому поводу), закончив одну из своих бесчисленных схваток, обнаруживает, что убил человека. На этом фрагмент обрывается; задача состоит в том, чтобы угадать или предположить, как поступит Дон Кихот.

По-моему, есть три возможные версии. Первая – негативная: ничего особенного не происходит, поскольку в мире галлюцинаций Дон Кихота смерть – такая же обычная вещь, как волшебство, и убийство человека вряд ли потрясет того, кто сражается (или верит, что сражается) с чудищами и чародеями. Вторая – патетическая. Дон Кихот ни на миг не забывает, что он лишь тень Алонсо Кихано, читателя фантастических историй; воочию увидев смерть, поняв, что сон толкнул его на Каиново злодеяние, он пробуждается от развязавшего ему руки сумасбродства, быть может – навсегда. Третья – вероятно, самая правдоподобная. Убив человека, Дон Кихот не может допустить, что этот чудовищный поступок – результат наваждения; реальность следствия заставляет его предположить, что причина столь же реальна, и он так и не вырывается из бредового круга.

Остается предположить еще одно, правда, недоступное испанцам и даже Западу в целом: для этого нужен более древний, изощренный и усталый мир. Дон Кихот – теперь уже не Дон Кихот, а царь в одном из индуистских перерождений – перед трупом врага постигает, что убийство и зачатие – деяния божественной или волшебной природы и заведомо превосходят отпущенное человеку. Он понимает, что покойник так же призречен, как оттягивающий его собственную руку окровавленный меч, как он сам, и его прошлая жизнь, и вездесущие боги, и сотворенная ими Вселенная.

---

²⁷ Сид Ахмет Бен-Инхали – вымышленный арабский историк, в тетрадке которого («Дон Кихот», I, 9) Сервантес обнаруживает повествование о своем герое и которому приписывает продолжение своего романа.

Желтая роза

Ни этой, ни следующей ночью знаменитый Джамбаттиста Марино²⁸, устами единогодушной Молвы (используя его любимый образ) провозглашенный новым Гомером и новым Данте, не умер, но происшедшее тогда недвижимое и беззвучное событие и впрямь осталось в его жизни последним. Увенчанный годами и славой человек умирал на просторной испанской кровати с резными колонками. Легко вообразить в нескольких шагах безмятежный, выходящий на закат балкон, а под ним – мрамор и лавры сада, двоящего уступы террас в квадратной воде. Женская рука поставила в бокал желтую розу; лежащий пробормотал неизбежные и, признаться, уже поднадоевшие ему строки²⁹:

Багрянец сада, украшение луга, сокровище весны, зрачок апреля...

И вдруг его озарило. Марино *увидел* розу, какой ее видел в раю Адам, и понял, что она жива собственной вечностью, а не нашими словами, что ее можно напомнить или назвать, но не суждено выразить и что возвышенные и горделивые тома, мреющие в углу комнаты золотым полумраком, вовсе не зеркало мира (как он тщеславно воображал), а просто еще одна из его подробностей.

Прозрение настигло Марино на пороге смерти, и как знать – обошло ли оно Гомера и Данте?

---

²⁸ Джамбаттиста Марино (1569–1625) – итальянский поэт, один из крупнейших представителей поэзии барокко.

²⁹ ...поднадоевшие ему строки... – Из поэмы Марино «Адонис» (III, 158).

Свидетель

В свином хлеву около только что выстроенной каменной церкви человек с выцветшими глазами и выцветшей бородой, лежа среди самой вони, покорно ждал смерти, как ожидают сна. День по своим тайным законам двигал и путал тени в нищенском закутке; за стеной были вспаханные поля, забитый опалью ров и волчий след на темном суглинке у края леса. Человек спал и, покинутый всеми, видел сны. Разбудила его церковная служба. В королевствах Англии колокольный звон уже вошел в вечерний обиход, но человек еще видел в детстве лик Одина³⁰, священный ужас и восторг, топорного деревянного идола, украшенного римскими монетами и тяжелыми облачениями, приносимых в жертву коней, собак и пленных. Не дожив до утра, он умрет, и с ним навсегда уйдут последние живые свидетельства языческих обрядов. Со смертью этого сакса мир станет немного бедней.

Все, населяющее пространство и вместе с чьей-то смертью приходящее к концу, может растрогать до слез, но что-то – бесконечное множество черт и красок – умирает со смертью каждого, если только и впрямь, как уверяют теософы, не существует памяти мирозданья. В бездне времен был день, когда угасли последние глаза, видевшие Христа; с чьей-то смертью исчезли бой под Хунином и страсть Елены. Что исчезнет в тот миг, когда не станет меня, какую пылкую или чуть заметную тень потеряет мир? Голос Маседонио Фернандеса? Раскрашенного коника на пустыре между Серрано и Чаркас? Брусочек серы в ящике письменного стола красного дерева?

---

³⁰ *óðinn* — верховный бог мифологического пантеона скандинавов, завоевателей Англии.

Мартин Фьерро

31

Из этого города уходили армии, прозванные великими³² и ставшие достойными своего имени в блеске славы. Спустя годы один из солдат вернулся и с акцентом чужеземца пересказал истории³³, случившиеся в местах под названиями Итусаинго и Аякучо. И от всего этого со временем не осталось ни следа.

Здесь пережили две тирании³⁴. При первой несколько мужчин, сидя на козлах повозки, нахваливали белые и желтые персики местной породы, а мальчик отогнул край брезента и увидел головы унитариев с застрявшей в бородах кровью. Вторая принесла многим тюрьму и смерть, а остальным – тревогу, ежедневный привкус позора и не отпускающее унижение. И от всего этого со временем не осталось ни следа.

Человек, знавший все слова на свете³⁵, с кропотливой любовью глянул на каждую травинку и птицу этих краев, раз и, быть может, навсегда назвав их по имени и в кованных метафорах запечатлев грозные закаты и меняющиеся облики луны. И от всего этого со временем не осталось ни следа.

Точно так же не прошли мимо здешних поколений обычные и в каком-то смысле вечные превратности того, что называют искусством. И от всего этого со временем тоже не осталось ни следа, но в тысяча восемьсот шестидесятых годах человеку в гостиничном номере приснилась схватка. Гаучо кинулся с ножом на негра, повалил его наземь, как мешок костей, не отвел глаз от агонии и смерти, наклонился отереть нож, а потом отвязал и отпустил коня, чтобы не думали, будто он сбежал. То, что случилось однажды, повторялось потом без конца; поражавшие глаз полки миновали, и осталась лишь бесхитростная схватка на ножах. Сон одного вошел в память всех.

---

³¹ «Мартин Фьерро» (1872–1879) – поэма о гаучо аргентинского поэта Хосе Рафаэля Эрнандеса Пуэйрредона (1834–1886); воспринимается аргентинцами как национальная эпопея.

³² ...армии, прозванные великими... – Речь идет о войнах за независимость Латинской Америки.

³³ ...один из солдат вернулся и с акцентом чужеземца пересказал истории... – Подразумевается Иларио Аскасуби (1807–1875), известный аргентинский поэт и дипломат.

³⁴ ...две тирании. – Росаса и Перона.

³⁵ Человек, знавший все слова на свете... – Имеется в виду Леопольдо Лугонес.

Превращения

Как-то в коридоре я увидел стрелку, показывавшую направление, и подумал, что этот безобидный символ был некогда сделанным из стали, неотвратимым и смертоносным оружием, которое входило в плоть людей и львов, и затмевало солнце при Фермопилах, и навеки ниспослало Харальду Сигурдарсону шесть футов английской земли.

Позже мне попала на глаза фотография венгерского всадника; грудь коня затейливыми витками перехватывал аркан. Я понял, что аркан, который прежде свистел в воздухе и умирал пасущихся быков, стал всего лишь броским украшением праздничной сбруи.

На европейском кладбище я увидел рунический крест красного мрамора; плечи переключая по кривой расширились к концам и вписывались в круг. Этот стиснутый и со всех сторон ограниченный крест служил изображением другого, со свободно развернутыми плечами, в свою очередь представлявшего виселицу – проклятое Лукианом Самосатским «грязное приспособление»³⁶, на котором скончался Бог.

Крест, аркан и стрела, древние орудия человека, павшие или поднятые теперь до символов; не знаю, чем они так зачаровывают меня, если нет на земле ничего, что не стерло бы забвение и не исказила память, если ни один из нас не ведает, во что его преобразит грядущее.

---

³⁶ ...«грязное приспособление»... – Цитата из диалога Лукиана «Суд гласных», где буква «сигма» обвиняет букву «тау» в том, что на повторяющих ее очертания крестах распинают людей; этот фрагмент диалога цитирует, описывая различные виды крестов, Томас Браун («Сад Кира», I).

Притча о Сервантесе и Дон Кихоте

Скучая в своей Испании, старый солдат короля тешился безмерными пространствами Ариосто, лунной долиной³⁷, где пребывает время, растраченное в пустых снах, и золотым истуканом Магомета³⁸, который похитил Ринальд Монтальванский³⁹.

Беззлобно подшучивая над собой, он выдумал легковерного человека, сбитого с толку чтением небылиц и пустившегося искать подвигов и чудес в прозаических местах с названиями Монтель и Тобосо.

Побежденный реальностью и Испанией, Дон Кихот скончался в родной деревушке году в 1614-м. Ненадолго пережил его и Мигель де Сервантес.

Для обоих, сновидца и его сна, вся суть сюжета была в противопоставлении двух миров: вымышленного мира рыцарских романов и повседневного, заурядного мира семнадцатого столетия.

Они не подозревали, что века сгладят в итоге это различие, не подозревали, что и Ламанча, и Монтель, и тощая фигура странствующего рыцаря станут для будущих поколений такой же поэзией, как плавание Синдбада или безмерные пространства Ариосто.

Ибо литература начинается мифом и заканчивается им.

*Больница Девото,
январь 1955 г.*

---

³⁷ ...лунной долиной... – «Неистовый Роланд», песнь 34.

³⁸ ...золотым истуканом Магомета... – «Дон Кихот», I, I.

³⁹ Ринальд Монтальванский — рыцарь из поэм Торквато Тассо, Маттео Боярдо и Ариосто, которыми, среди прочего, зачитывался Дон Кихот.

«Paradiso», XXXI, 108

40 41

Диодор Сицилийский приводит рассказ о разъятом на части и разбросанном по миру Боге; любой из нас, идя в сумерках или перебирая старые даты, хоть раз в жизни чувствовал, что утратил бесконечно дорогое.

Люди утратили один-единственный и ничем на земле не восполнимый лик. Кто бы теперь не хотел быть на месте того паломника (воображая себя уже в эмпиреях, под Розой), который увидел в Риме плат Вероники⁴² и простодушно прошептал: «Иисусе Христе, Боже мой, Боже истинный, вот, значит, какой Ты был»?

У дороги воздвигнут каменный лик, под ним – надпись, гласящая: «Истинный образ Пресвятого Лика Господа нашего в Хаэне». Узнай мы взаправду, каким он был, мы обрели бы ключ всех загадок и поняли, как сын плотника может стать Сыном Божиим.

Апостолу Павлу этот лик виделся⁴³ сокрушительным светом; Иоанну⁴⁴ – солнцем, воссиявшим во всю мощь; святой Терезе⁴⁵ – и много раз – в облаке безмятежного сияния, но она так и не смогла разглядеть цвет глаз.

Черты теряются, как теряется в памяти магическое число, составленное из обычных цифр, как навсегда теряется узор, на миг сложившийся в калейдоскопе. Позже мы его, возможно, видим, но уже не узнаём. Профиль еврея, встреченного сейчас в подземке, мог принадлежать Спасителю; руки, сующие из кассы сдачу, – те же, которые римский солдат пригвождал к кресту.

Может быть, черты распятого подстерегают в любом зеркале. Может быть, лицо исчезло, стерлось, чтобы Бог стал каждым.

Кто знает, не увидим ли мы его этой ночью в лабиринтах сна, чтобы снова не узнать наутро?

---

⁴⁰ «Рай» (*ит.*).

⁴¹ Заглавие отсылает к эпизоду дантовского «Рая», где воображаемый паломник, увидев так называемый «плат Вероники», восклицает: «Так вот твое подобие какое, // Христе Иисусе...» (пер. М. Лозинского), а также – к старой мифологеме «неведомого» или «сокровенного бога» (см.: Ис. 45: 15; Кол. 1: 15 и др.).

⁴² *Вероника* — простая еврейка, по преданию утершая лицо Христа на Крестном пути своим платком, на котором чудом запечатлелся лик Спасителя; причислена к святым.

⁴³ *Апостолу Павлу... виделся...* – 2 Кор. 4: 4,6.

⁴⁴ *...Иоанну...* – Откр. 21: 23; 22: 5.

⁴⁵ *Святая Тереса* Авильская, иначе – Иисусова (в миру – Тереза де Сепеда-и-Аумада, 1515–1582) – испанская монахиня-кармелитка, покровительница страны, автор нескольких стихотворений и прозаических книг, передающих ее мистический опыт («Книга моей жизни» и др.).

Притча о дворце

В этот день Желтый Император показывал поэту свой дворец. После долгого перехода путники оставили за спиной первые уступы западных террас, ярусами, казалось, безмерного амфитеатра спускавшиеся к раю, еще называемому садом, чьи бронзовые зеркала и запутанные можжевеловые куртины уже предвосхищали лабиринт. Они с легким сердцем углубились в него, сначала как бы поддаваясь игре, а потом все больше тревожась, поскольку прямые коридоры сводило незаметной, но постоянной кривизной, тайком замыкая в круг. В полночь наблюдения за рисунком светил и своевременно принесенная в жертву черепаха все-таки позволили вырваться из заколдованного места, но не отделаться от чувства, что они заблудились, так и не покидавшего до самого конца. Потом мимо прошли вестибюли, дворики, библиотеки, шестигранная зала с клепсидрой; наутро они разглядели с башни каменного человека, вскоре исчезнувшего навсегда. В узких лодках они переплыли несколько сверкающих рек или несколько раз – одну реку. Императорская свита шла, и люди падали ниц, но однажды их вынесло на остров, где один из жителей, прежде не видев Сына Неба, остался стоять, и палачу пришлось отрубить ему голову. Их глаза равнодушно смотрели на черные волосы, пляски черных, их затейливые золотые личины; явь путалась со сном, а лучше сказать – была разновидностью сна. Казалось, на земле больше нет ничего, кроме садов, бассейнов, архитектурных фантазий и изысков роскоши. Через каждые сто шагов в воздух взмывала башня, на вид все того же цвета, но первая была желтой, а последняя – красной, так тонко подбирались оттенки и столько тянулась вся вереница.

У подножия предпоследней башни поэт (сторонившийся зрелищ, завораживавших всех) прочитал краткое сочинение, которое всякий теперь неразрывно связывает с его именем и которое, по словам более изящных историографов, принесло ему бессмертие и смерть разом. Текст утрачен; кто-то слышал, будто он состоял из одной строки, другие – из единственного слова. Правда – и самая невероятная – в том, что стихотворение содержало в себе весь гигантский дворец до последней мелочи, включая каждую бесценную фарфоровую вазу и каждый рисунок на каждой вазе, и тени и блики сумерек, и каждый безнадежный и счастливый миг жизни прославленных династий смертных, богов и драконов, обитавших здесь с незапамятных времен. Все молчали, а Император воскликнул: «Ты украл мой дворец!» – и стальной клинок палача оборвал жизнь поэта.

Другие рассказывают иначе. В мире не может быть двух одинаковых созданий, и, как только (по их словам) поэт окончил читать, дворец исчез, словно стертый и испепеленный последним звуком. Сказания эти, понятно, всего лишь выдумки сочинителей. Поэт был рабом Императора и умер смертью раба; стихи его пали жертвой забвенья, поскольку заслуживали забвенья, а его потомки доныне ищут и все никак не найдут заветное слово Вселенной.

Everything and nothing

46

Сам по себе⁴⁷ он был никто; за лицом (не схожим с другими даже на скверных портретах эпохи) и несчетными, призрачными, бессвязными словами крылся лишь холод, сон, снявшийся никому. Сначала ему казалось, будто все другие такие же, но замешательство приятеля, с которым он попробовал заговорить об этой пустоте, убедило его в ошибке и раз и навсегда заставило уяснить себе, что нельзя отличаться от прочих. Он думал найти исцеление в книгах, для чего – по свидетельству современника – слегка подучился латыни⁴⁸ и еще меньше – греческому; позднее он решил, что достигнет цели, исполнив простейший обряд человеческого общезнания, и в долгий июньский день принял посвящение в объятиях Анны Хэтуэй⁴⁹.

Двадцати с чем-то лет он прибыл в Лондон. Помимо воли он уже наловчился представлять из себя кого-то, дабы не выдать, что он – никто; в Лондоне ему встретилось ремесло, для которого он был создан, ремесло актера, выходящего на подмостки изображать другого перед собранием людей, готовых изображать, словно они и впрямь считают его другим. Труд гистриона принес ему ни с чем не сравнимую радость, может быть первую в жизни; но звучал последний стих, убрали со сцены последний труп – и его снова переполнял отвратительный вкус нереальности. Он переставал быть Феррексом⁵⁰ или Тамерланом и опять делался никем. От скуки он взялся выдумывать других героев и другие страшные истории. И вот, пока его тело исполняло в кабаках и борделях Лондона то, что положено телу, обитавшая в нем душа была Цезарем, глухим к предостережениям авгуров, Джульеттой, проклинаящей жаворонка, и Макбетом, беседующим на пустыре с ведьмами, они же – богини судьбы. Никто на свете не бывал столькими людьми, как этот человек, сумевший, подобно египетскому Протею, исчерпать все образы реальности. Порой в закоулках того или иного сюжета он оставлял роковое признание, уверенный, что его не обнаружат; так, Ричард проговаривается, что он актер, играющий множество ролей, Яго роняет странные слова «я – это не я». Глубинное тождество жизни, сна и представления вдохновило его на тирады, позднее ставшие знаменитыми.

Двадцать лет он провел, управляя своими сновидениями, но однажды утром почувствовал отвращение и ужас быть всеми этими королями, погибающими от мечей, и несчастными влюбленными, которые встречаются, расстаются и умирают с благозвучными репликами. В тот же день он продал театр, а через неделю был в родном городке, где снова нашел реку и деревья своего детства и уже не сравнивал их с теми, другими, в украшениях мифологических намеков и латинских имен, которые славил его муза. Но здесь тоже требовалось кем-то быть, и он стал удалившимся от дел предпринимателем, имеющим некоторое состояние и занятым теперь лишь ссудами, тяжбами и скромными процентами с оборота. В этом амплуа он продиктовал известное нам сухое завещание, из которого обдуманно вытравлены всякие следы пафоса и литературности. Лондонские друзья изредка навещали его уединение, и перед ними он играл прежнюю роль поэта.

---

⁴⁶ Все и ничто (*англ.*). Заглавие – цитата из письма Дж. Китса Ричарду Вудхаусу от 27 октября 1818 г., где этой формулой описывается характер лирического поэта.

⁴⁷ Сам по себе он был никто... – Не раз повторяемая Борхесом цитата из очерка о Шекспире Уильяма Хэзлитта.

⁴⁸ ...подучился латыни... – Из стихотворения Бена Джонсона «Памяти моего возлюбленного Уильяма Шекспира», включенного предисловием в первое собрание сочинений драматурга (так называемый folio 1623 г.).

⁴⁹ Анна Хэтуэй (1556–1623) – жена Шекспира; тонкий и пристрастный анализ их отношений дан Стивеном Дедалом в «Улиссе» Джойса (гл. 9, «Сцилла и Харибда»).

⁵⁰ Феррекс – один из героев трагедии английских драматургов Томаса Нортон и Томаса Сэквилла «Горбодук» (пост. 1561); Тамерлан – заглавный герой трагедии Кристофера Марло (1587–1588).

История добавляет, что накануне или после смерти он предстал перед Господом и обратился к нему со словами: «Я, бывший всею столькими людьми, хочу стать одним – собой». И глас Творца ответил ему из бури: «Я тоже не я; я выдумал этот мир, как ты свои созданья, Шекспир мой, и один из призраков моего сна – ты, подобный мне, который суть все и никто».

Рагнарёк

51

Образы наших снов (пишет Кольридж) воспроизводят ощущения, а не вызывают их, как принято думать; мы не потому испытываем ужас, что нас душит сфинкс, – мы воображаем сфинкса, чтобы объяснить себе свой ужас. Если так, то в силах ли простой рассказ об увиденном передать смятение, лихорадку, тревогу, страх и восторг, из которых соткался сон этой ночи? И все же попробую рассказать; быть может, в моем случае основная проблема отпадет или хотя бы упростится, поскольку сон состоял из одной-единственной сцены.

Место действия – факультет философии и литературы, время – вечер. Все (как обычно во сне) выглядело чуть иным, как бы слегка увеличенным и потому – странным. Шли выборы руководства; я разговаривал с Педро Энрикесом Уреньей, в действительности давно умершим. Вдруг нас оглушило гулом демонстрации или празднества. Людской и звериный рев катился со стороны Бахо. Кто-то завопил: «Идут!» Следом пронеслось: «Боги! Боги!» Четверо или пятеро выбрались из давки и взошли на сцену Большого зала. Мы били в ладоши, не скрывая слез: боги возвращались из векового изгнания. Поднятые над толпой, откинув головы и расправив плечи, они свысока принимали наше поклонение. Один держал ветку, что-то из бесхитростной флоры сновидений; другой в широком жесте выбросил вперед руку с когтями; лик Януса не без опаски поглядывал на кривой клюв Тота. Вероятно, подогретый овациями, кто-то из них – теперь уж не помню кто – вдруг разразился победным клетотом, невыносимо резким, не то свища, не то прополаскивая горло. С этой минуты все переменялось.

Началось с подозрения (видимо, преувеличенного), что боги не умеют говорить. Столетия дикой и кочевой жизни истребили в них все человеческое; исламский полумесяц и римский крест не знали снисхождения к гонимым. Скошенные лбы, желтизна зубов, жидкие усы мулатов или китайцев и вывороченные губы животных говорили об оскудении олимпийской породы. Их одежда не вязалась со скромной и честной бедностью и наводила на мысль о мрачном шике игорных домов и борделей Бахо. Петлица кровоточила гвоздикой, под облегающим пиджаком угадывалась рукоять ножа. И тут мы поняли, что идет их последняя карта, что они хитры, слепы и жестоки, как матерые звери в облаве, и – дай мы волю страху или состраданию – они нас уничтожат.

И тогда мы выхватили по увесистому револьверу (откуда-то во сне взяли револьверы) и с наслаждением пристрелили богов.

---

⁵¹ *Рагнарёк* (древнеисл. «судьба богов») – в скандинавской мифологии («Старшая Эдда» и др.) гибель богов и мира, которой завершается сражение с хтоническими чудовищами.

«Inferno», I, 32

52 53

От сумрака предрассветного до вечернего сумрака на исходе XII столетия рысь скользила взглядом по деревянным доскам, частоколу металлических прутьев, череде мужчин и женщин, высоченной стене да иной раз по деревянному желобу с плавающей в нем опавшей листвой. Она не знала, не могла знать, что ее влекло к любви и жестокости, к бурной радости рвать на куски и к ветру, доносящему запах дичи, однако что-то в ней противилось этим чувствам и подавляло их, и Господь сказал ей, спящей: «Ты живешь в клетке и умрешь в ней, дабы один ведомый мне человек за приметил тебя, навсегда запомнил и запечатлел твой облик и свое представление о тебе в поэме, место которой в сцеплении времен закреплено навечно. Тебя гнетет неволя, но слово о тебе прозвучит в поэме». Господь во сне облагородил грубую природу зверя, который внял доводам и смирился со своей судьбой; однако, проснувшись, он ощутил лишь сумрачное смирение и твердое неведение, ибо законы бытия непостижимы для бесхитростного зверя.

Спустя годы Данте умирал в Равенне, столь же оболганный и одинокий, как и любой другой человек. Господь явился ему во сне и посвятил его в тайное предназначение его жизни и его труда; Данте, пораженный, узнал наконец, кем и чем он был на самом деле, и благословил свои невзгоды. Молва гласит, что, проснувшись, он почувствовал, что приобрел и утратил нечто безмерное, чего уже не вернуть и что даже от понимания ускользает, ибо законы бытия непостижимы для бесхитростных людей.

---

⁵² «Ад» (*ит.*).

⁵³ В цитируемой строке Данте упоминается «проворная и вьющаяся рысь» – диковинка, которую при жизни поэта (судя по флорентийским хроникам) показывали горожанам.

Борхес и я

События – удел другого, которого зовут Борхес. Я бреду по Буэнос-Айресу и останавливаюсь – уже почти машинально – взглянуть на арку подъезда и решетку ворот; о Борхесе я узнаю из почты и вижу его фамилию в списке преподавателей или в биографическом словаре. Я люблю песочные часы, географические карты, издания XVIII века, этимологические штудии, вкус кофе и прозу Стивенсона; другой разделяет мои пристрастия, но с таким самодовольством, что это уже походит на роль. Не стоит сгущать краски: мы не враги – я живу, остаюсь в живых, чтобы Борхес мог сочинять свою литературу и доказывать ею мое существование. Охотно признаю, кое-какие страницы ему удались, но и эти страницы меня не спасут, ведь лучшим в них он не обязан ни себе, ни прочим, а только языку и традиции. Так или иначе, я обречен исчезнуть, и, быть может, лишь какая-то частица меня уцелеет в нем, другом. Мало-помалу я отдаю ему все, хоть и знаю его болезненную страсть к подтасовкам и преувеличениям. Спиноза утверждал, что сущее стремится пребыть собой: камень – вечно быть камнем, тигр – тигром. Мне суждено остаться Борхесом, а не мной (если я вообще есть), но я куда реже узнаю себя в его книгах, чем во многих других или в самозабвенных переборах гитары. Однажды я попытался освободиться от него и сменил мифологию окраин на игры со временем и пространством. Теперь и эти игры принадлежат Борхесу, а мне нужно придумывать что-то новое. И потому моя жизнь – бегство, и все для меня – утрата, и все достается забвенью или ему, другому.

Я не знаю, кто из нас двоих пишет эту страницу.

О дарах

Укором и слезой не опорочу
Тот высший смысл и тот сарказм
глубокий,
С каким неподражаемые боги
Доверили мне книги вместе с ночью⁵⁴,

Отдав библиотеку во владенье
Глазам, что в силах выхватить порою
Из всех книгохранилищ сновиденья
Лишь бред строки, уступленной зарею

Труду и пылу. Не для них дневные
Сиянья, развернувшие в избытке
Страницы, недоступные, как свитки,
Что испепелены в Александрии⁵⁵.

К плодам и водам (вспоминают греки)
Тянулся понапрасну царь в Аиде⁵⁶.
Зачем тревожу, выхода не видя,
Всю высь и глубь слепой библиотеки?

Твердыня словарей, энциклопедий,
Метафор, космографий, космогоний,
Былых династий и чужих наследий
Вздывается, но я в ней посторонний.

В пустынной тьме дорогу проверяя,
Крадется с палкой призрак поседельный —
Я, представлявший райские пределы
Библиотекой без конца и края.

«Случайность» – не годящееся слово
Для воли, наделившей здесь кого-то
Потемками и книгами без счета
Таким же тусклым вечером былого.

И, медленно минуя коридоры,
Порою чувствую в священном страхе,

---

⁵⁴ ...книги вместе с ночью... – В 1955 г. Борхес по рекомендации влиятельных друзей, и прежде всего – писательницы и журналистки Виктории Окампо, был назначен директором Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе; к этому же времени относится наступление у писателя полной слепоты.

⁵⁵ ...испепелены в Александрии. – Речь идет об окончательном уничтожении знаменитого книжного собрания в некогда цветущем культурном центре Востока, сожженного в 641 г. по приказу арабского халифа Омара I.

⁵⁶ ...царь в Аиде. – Тантал, наказанный неутолимим голодом и жаждой за попытку усомниться в том, что боги всеведущи.

Что я – другой, скончавшийся⁵⁷, который
Таким же шагом брел в таком же мраке.

Кто пишет это буквами моими
От многих «я» и от единой тени?
И так ли важно, чье он носит имя,
Когда всеобщее бремя отчужденья?

Груссак ли, Борхес ли, в благоговенье
Слежу за этой зыблящейся мглой —
За миром, полускраденным золою,
Похожею на сон и на забвенье.

---

⁵⁷ ...другой, скончавшийся... – Упомянутый дальше аргентинский писатель Поль Груссак (1848–1929).

Песочные часы

Не удивительно, что резкой тенью,
В погожий день пролегшей от колонны,
Или водой реки, чей бег бессонный
Эфесца донимал как наважденье,

Мы мерим время: сходны с ним и роком
Дневная тень, что реет легче дыма,
И незаметный, но неумолимый
Маршрут, прокладываемый потоком.

Но сколько ими время вы ни мерьте,
Есть у пустынь материя другая,
Что, с твердостью воздушность сочетая,
Подходит мерить время в царстве смерти.

Отсюда – принадлежность аллегорий
С картинок, поминающих о каре:
Тот инструмент, что старый антикварий
Засунет в угол, где лежат в разоре

Побитый коник, выпавшие звенья
Цепи, тупая сабля, помутнелый
За годы телескоп, кальян и целый
Мир случая, и тлена, и забвенья.

Кто не замрет при виде той мензуры
Зловещей, что с косою сжата вместе
Десницею Господнего возмездья
И с Дюреровой нам грозит гравюры⁵⁸?

Из конуса, который запрокинут,
Песок сквозь горло бережно сочится,
Пока, струясь, крупица за крупицей
Волною золотою не застынут.

Люблю смотреть, как струйкою сухою
Скользит песок, чтобы, почти в полете,
Воронкою помчать в круговороте
С поспешностью, уже совсем людскою.

Песчинки убегают в бесконечность,
Одни и те же, сколько б ни стекали:

---

⁵⁸ ...с Дюреровой... гравюры? – Могут иметься в виду «Рыцарь, Смерть и Дьявол» (1513) или «Меланхолия» (1514).

Так за твоей отрадой и печалью
Покоится нетронутая вечность.

Я, по сравнению с этими часами,
Эфемерида. Без конца и края
Бежит песок, на миг не замирая,
Но вместе с ним мы убываем сами.

Все мировое время в струйке этой
Я вижу: череду веков за гранью,
Что в зеркалах таит воспоминанье,
И тех, что смыла колдовская Лета.

Огонь и дым, рассветы и закаты,
Рим, Карфаген, могила на могиле,
И Симон Маг, и те семь футов пыли⁵⁹,
Что сакс норвежцу обещал когда-то, —

Все промелькнет и струйкой неустанной
Бесчисленных песчинок поглотится,
И – времени случайная частица —
Как время, зыбкий, я за ними кану.

---

⁵⁹ ...*семь футов пыли*... – многократно повторяющийся у Борхеса образ «Саги о Харальде Суровом» (ХСІ) из свода Снорри Стурлусона «Круг земной».

Зеркала

Я, всех зеркал бежавший от рожденья:
И ясной амальгамы, за которой —
Начала и концы того простора,
Где обитают только отраженья;

И призрачной воды, настолько схожей
С глубокой синевою небосклона,
То птицей на лету пересеченной,
То зарябившей от внезапной дрожи;

И лака, чья поверхность неживая
Туманится то мрамором, то розой,
Которые истаивают грезой,
По молчаливой глади проплывая, —

За столько лет словами и делами
Немало утрудивший мир подлунный,
Готов спросить, какой игрой фортуны
Внушен мне ужас перед зеркалами?

Металл ли беглым отсветом змеится
Или каоба в сумраке багряном
Стирает притаившимся туманом
Обличье сновиденья и сновидца, —

Они повсюду, ставшие судьбою
Орудия старинного заклатья —
Плодить подобья, словно акт зачатья,
Всегда на страже и везде с тобою.

Приумножая мир и продлевая,
Манят головоломной паутиной;
Бывает, вечерами их глубины
Туманит вздохом тень, еще живая⁶⁰.

Они – повсюду. Их зрачок бессменный
И в спальню пробирается, мешая
Быть одному. Здесь кто-то есть – чужая
Тень со своею затаенной сценой.

Вмещает все зеркальный мир глубокий,

---

⁶⁰ ...Туманит вздохом тень, еще живая. – Комментаторы видят здесь отсылку к образу умершего отца Борхеса (ср. ниже намек на Гамлета).

Эльвира де Альвеар

Она владела всем, но постепенно
все потеряла. Мы ее узрели
в доспехах красоты. Сперва заря
и ясный полдень со своей вершины
открыли ей прекраснейшие царства
земные. Вечер эти краски стер.
Благоволение светил (сплетенье
бессчетных и незыблемых причин)
дало ей денег, властных над пространством,
как сказочный ковер, привычку путать
желанье с обладаньем, дар стиха,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.